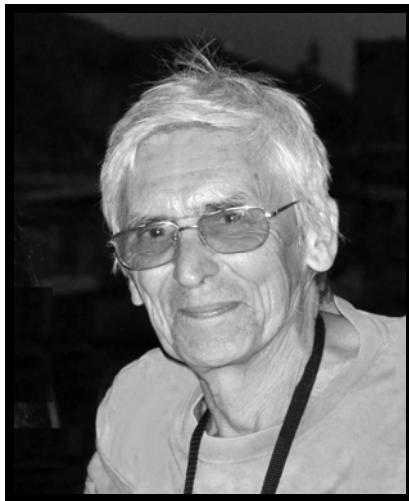

**ПАМЯТИ
Э. С. КУЛЬПИНА-ГУБАЙДУЛЛИНА**

В. В. КЛИМЕНКО

IN MEMORIAM

В свое время я опрометчиво не зафиксировал точный момент моего знакомства с Эдуардом Сальмановичем. Я тогда попросту не предвидел, что оно окажет такое влияние на мою дальнейшую жизнь. Но я могу определить эту дату довольно точно, и вот почему. Осенью 1994 г., проявив незаурядное нахальство, я в буквальном смысле слова ввалился с улицы в редакцию журнала «Общественные науки и современность», куда принес статью с претенциозным названием «Энергия, климат и историческая перспектива России». К моему немалому удивлению, статья была принята без замечаний и опубликована в № 1 журнала за 1995 г. в разделе «Рос-

История и современность, № 2, сентябрь 2015 183–186

сийская цивилизация» вместе с работами двух других авторов – академика Леонида Милова и доктора философских наук Эдуарда Кульпина. С тех пор статьи Милова и Кульпина, удивительно близкие мне по духу, были зачитаны мною, что называется, до дыр, и я много раз ссылался на них в моих последующих работах. Как выяснилось вскоре, и моя работа не прошла незамеченной, поскольку однажды весной 1995 г. в трубке послышался вежливый дамский голос, настойчиво приглашавший меня, специалиста по теплофизике и начинающего климатолога, в Институт востоковедения на заседание семинара Отдела истории под руководством Э. С. Кульпина. В тот день я даже выступил с каким-то сообщением об истории климата и, желая блеснуть эрудицией, упомянул «малоизвестного», как мне казалось, римского автора по имени Колумелла, после чего в зале прошелестел легкий смешок – в этой аудитории Колумелла был, оказывается, вполне своим парнем. Так началась история нашего с Эдуардом Сальмановичем знакомства, которому было суждено продлиться более двадцати лет и столь драматично оборваться в июне нынешнего года.

Я стал частым гостем на семинарах Э. С. Кульпина и с готовностью принял приглашение участвовать в ежегодной конференции по социоестественной истории, им же организуемой и с невероятной пунктуальностью проводимой в сентябре каждого года на благодатной крымской земле. Эта очень симпатичная, компактная, с ограниченным числом участников конференция стала единственной в моей жизни, на которую я возвращался не менее десяти раз и неизменно отказывался ради нее от других, более престижных форумов. Не я один оказался подвержен удивительному магнетизму этих конференций, регулярно собирающих под одной крышей ученых из столь разных областей, как история, география, языковедение, философия, социология, энергетика, почвоведение – и ведь это совсем не полный перечень! Уверен, что кругозор каждого из нас приобрел несомненное преимущество по сравнению с теми, кто там никогда не бывал. Эти конференции никогда не были увеселительными мероприятиями в бархатный сезон – мне случалось так и не увидеть моря с первого и до последнего дня работы, а Эдуарду Сальмановичу, неизменному председателю конференции, и по-прежнему. Но я не помню его усталым, разбитым или раздраженным.

Это было бы так же невероятно, как увидеть его невнимательно слушающим любое из десятков выступлений, на части которых мне – чего уж греха таить – хотелось повеситься с тоски. Складывалось впечатление, что этому неутомимому человеку было интересно решительно все.

Характерной чертой Эдуарда Сальмановича, которая всегда производила на меня глубокое впечатление, была его неувядаемая внутренняя молодость. Его тело и дух находились в абсолютной гармонии друг с другом и сохраняли свою привычную бодрость до последнего дня. Я хорошо помню обязательную для каждой крымской конференции десятикилометровую экскурсию по крутым тропам Кара-Дага вплоть до Коктебеля, во главе которой с проворством сеттера неизменно двигался Эдуард Сальманович. Если его физическая форма производила впечатление, то таких же слов заслуживала и интеллектуальная. Свежие идеи постоянно рождались в его голове и с такой же регулярностью выходили одна за другой его замечательные работы – «Человек и природа в Китае», «Путь России», «Бифуркация Запад – Восток», «Золотая Орда», «Эволюция российской ментальности».

Лучший показатель умственной активности – любопытство, а любопытство Эдуарда Сальмановича никогда не ослабевало. Я хорошо помню, как по его просьбе по несколько раз с интервалом в три-четыре года делал на конференциях все-таки преимущественно гуманитарного свойства сообщения, содержащие специальный материал по состоянию мировой энергетики, климата, атмосферы и океана. Эдуард Сальманович прекрасно понимал, что в условиях «сжатого» времени, в которых оказалась современная цивилизация к концу XX в., любая информация о состоянии динамических глобальных систем быстро стареет и нуждается в постоянном мониторинге.

Удивительно, что литературная плодовитость Эдуарда Сальмановича была весьма высокой, несмотря на то, что он часто должен тратить рабочее время на деятельность главного редактора и издателя, на подготовку трудов 24 (!) конференций, на руководство кафедрой и Центром социоестественной истории. Понятно, чтобы справиться с такой напряженной и многотрудной задачей, человек должен был работать по десять часов в день и по семь дней в неде-

лю. К счастью, в последние годы в его плотном графике нашлось время и на путешествия частного характера. Эдуард Сальманович, проживший большую часть своей жизни в наглухо закрытой стране, лишь в очень зрелые годы получил возможность увидеть большой мир собственными глазами и радовался этому непосредственно, как юноша – многие из нас получали его красочные фотоотчеты о недавних поездках. Не сомневаюсь, что, как у пытливого наблюдателя, большая часть его дорожных впечатлений отразилась или должна была отразиться в его научных трудах.

К тому времени, как мы познакомились, он уже давно и по достоинству оценил свое татарское происхождение, а со временем к необычному отчеству добавил и не менее необычную двойную фамилию, подчеркивавшую его непрерывную родовую культурную связь с поколениями предков. В Эдуарде Сальмановиче татарские и русские интеллектуальные традиции тесно переплетались, дав удачные результаты. Татарские основательность и упорство вполне сочетались в нем с восприимчивой чувствительностью и универсализмом, свойственными русской культуре.

Эдуард Сальманович был предан науке до конца, и она отплатила ему благодарностью – ведь редко кому из нас выпадает удача открыть и освоить собственное научное направление. Дело его жизни, социоестественная история очень многое добавила к нашим знаниям о том, что человек – отнюдь не царь и повелитель природы, а лишь ее робкий и часто неумелый ученик, едва начинающий понимать сокровенный замысел своего создателя. Эдуарду Сальмановичу посчастливилось прожить достаточно долго, чтобы написать целую серию основополагающих работ по социоестественной истории, и его место ведущего авторитета в этой области никем не может быть оспорено. Но как жаль, что ему все-таки не хватило времени на создание своего *magnus opus*, всеобъемлющего, итогового труда по данному предмету. Смерть явно поспешила к этому человеку, а может, – как знать? – просто не захотела огорчать его несчастьем утраты живого ума и бодрости духа, без которых теперь уже никто и никогда не сможет его представить...